

Фредерик Купер

Деколонизация, колонизация и вновь деколонизация:

КОНЕЦ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ¹

Frederick Cooper

Decolonizations, Colonizations, and More Decolonizations: The End of Empire in Time and Space

Фредерик Купер (Нью-Йоркский университет, заслуженный профессор; PhD) fred.cooper@nyu.edu.

Frederick Cooper (PhD; Professor Emeritus of History, New York University) fred.cooper@nyu.edu.

Ключевые слова: деколонизация, колонизация, империя, колониализм, поселение, пространство

Key words: decolonization, colonization, empire, colonialism, settlement, space

УДК: 94

UDC: 94

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_15

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_15

В 1950—1960-е годы колониальные империи, казалось, уступили место миру национальных государств. Но первая волна деколонизации в Северной и Южной Америке пришлась на период между 1780-ми и 1820-ми годами. В данной статье рассматриваются отношения между этими двумя волнами деколонизации и той волной колонизации, которая имела место между ними. Вместо того чтобы вписывать два периода деколонизации в единый нарратив, я утверждаю, что каждый из них повлек за собой ожесточенную борьбу, в которой национальный суверенитет был лишь одним из возможных итогов, и что в промежутке между деколонизациями империи расцвели с новой силой, трансформировались и оказались переизобретены. Вторая волна деколонизации, в отличие от первой, нанесла удар по самой идее империи. Но обе волны не дали ответа на вопрос, который волновал возглавлявших их активистов: можно ли обратить политическое освобождение на пользу экономической и социальной справедливости? Данная статья указывает на способы использования и границы понятия «деколонизация» с точки зрения понимания борьбы за мировую справедливость.

In the 1950s and 1960s, colonial empires seemed to give way to a world of nation-states. But the first wave of decolonization in the Americas occurred between the 1780s and 1820s. This article examines the relationship between these two waves of decolonization and the wave of colonization that occurred between them. Rather than fitting the two periods of decolonization into a single narrative, I argue that each entailed fierce struggles in which national sovereignty was only one possible outcome, and that in between decolonizations empires blossomed with renewed vigor, transformed, and found themselves reinvented. The second wave of decolonization, unlike the first, dealt a blow to the very idea of empire. However, both waves failed to answer the question that preoccupied the activists who led them: could political liberation be turned in favor of economic and social justice? This article points to the uses and limits of the term “decolonization” in terms of understanding struggles for global justice.

1 Я благодарен Барбаре Вайнштейн и Флориану Вагнеру за их ценные замечания и предложения. Первая версия этого текста была представлена на конференции «Глубокая деколонизация: Латинская Америка и взаимосвязанные истории постколониального мира» (17—18 марта 2016 года, Школа перспективных исследований Лондонского университета). Я признателен организатору, Марку Турнеру, и другим участникам за их комментарии и идеи. Позднейшие версии были представлены в Центре изучения Глобальной Азии Нью-Йоркского университета и на исторической кафедре Пенсильванского университета. Я благодарен слушателям за их продуманные комментарии.

К 1974 году, когда подошло к концу господство португальцев в Африке, слово «колония» оказалось вымарано из перечня легитимных политических образований. Одна из версий истории деколонизации локализует этот процесс в Африке и Азии между 1947 и 1974 годами — весьма стремительное развитие событий по историческим меркам. Но это была не первая волна центробежного движения, охватившая колониальные империи. В другом своем варианте история деколонизации начинается в 1776 году в британской Северной Америке, фиксирует независимость Гаити от Франции в 1804 году и придает особое значение первым десятилетиям XIX века, когда колонии Испании в Южной и Центральной Америке успешно взбунтовались против испанского господства, а Бразилия обрела независимость от Португалии [Thurner 2019].

Как соотносятся между собой эти две истории, ключевые события которых разделяет полтора века? Стоит ли говорить о едином движении, в рамках которого победы и поражения сменяют друг друга? Или об отдельных движениях, стремившихся к одной и той же цели? Или о совершенно различных явлениях? Аргумент в пользу единой истории получил подкрепление в 1980-е годы благодаря Бенедикту Андерсону, по мысли которого национализм зародился в Западном полушарии на основании круга идей, сформировавших воображаемые сообщества, которые отличались от имперских парадигм. Эти воображаемые территориальные общности создали типовую форму, которая затем воспроизводилась в других местах. Андерсон подчеркивал, что национализм зародился в американских колониях, но его форма была импортирована в Европу, откуда затем распространилась по всему миру, следуя по траекториям, прочерченным самими империями. Аргумент о типовой природе национализма много критиковали, но лишь после того, как фраза «воображаемое сообщество» приобрела культовый статус [Anderson 1983; Goswami 2002].

Нарратив единой истории предполагает переход от империи к национальному государству². В 1776 году мир состоял из империй, а в конце XX века уже вмещал в себя почти двести национальных государств. Есть искушение в ретроспективном изложении представить этот переход неотвратимым. Но проблема заключается в том, что в таком случае мы не можем задать вопрос, как и почему эта история заканчивается именно так — ведь сам этот нарратив исключает такую постановку вопроса³.

Мои задачи в данной статье иные: рассмотреть деколонизацию в пространстве и времени, чтобы продемонстрировать, что мы имеем дело с более сложным феноменом, чем просто линейное движение к неизбежной конечной точке. Деколонизация, которая началась в 1940-е годы, отличается от той, которая пришлась на 1780-е или 1820-е. В середине XX века под сомнение была

Статья переведена с сокращениями по: *Cooper F. Decolonizations, Colonizations, and More Decolonizations: The End of Empire in Time and Space // Journal of World History. 2022. Vol. 33. No. 3. P. 491—526.*

- 2 Историкам могут быть интересны содержательные рассуждения романистки Чимаманды Нгози Адичи в публичной лекции «Опасность единственной точки зрения» («The Danger of a Single Story», см.: https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_the_danger_of_a_single_story (дата обращения: 02.06.2024)).
- 3 Сэмюэль Мойн утверждает, что изучение альтернатив национальному государству, которые предлагались в середине XX века, может быть эмпирически правильным, но не имеет смысла, потому что мы знаем, как закончится эта история [Moyn 2015].

поставлена не только власть тех или иных империй над определенными территориями, но и сама категория империи как таковая. Мы должны внимательнее изучить возможности, которые возникали и исчезали на каждом витке деколонизации, а также за время колонизации, которая пришлась на период между двумя деколонизациями. Постановка вопроса об отношениях между деколонизацией начала XIX века и деколонизацией середины XX века подводит нас к вопросам о том, как работает термин «деколонизация»: что он помогает нам понять, а что нет.

От деколонизации к колонизации

Термин «деколонизация» вошел в обиход лишь в середине XX века, но Марк Турнер отмечает, что впервые это понятие использовал в 1822 году перуанец Хосе Фаустино Санчес Каррио, призывавший не просто к отделению испанской Америки от Испании, но и к культурным изменениям [Turner 2019: 2]⁴. Однако точное значение слова «деколонизация» не было ясно в 1822 году и не прояснилось до сих пор.

В испанской Америке, как и в Северной Америке, борьба за политическую власть началась внутри империи, когда колониальные элиты стали требовать у имперского центра политического представительства — и лишь потом превратилась в борьбу за выход из состава империи [Adelman 2006]. Элиты по обе стороны Атлантики в ответ на захват большей части Испании Наполеоном попытались достигнуть договоренностей по своду законов, получившему название Кадисской конституции 1812 года. Этот документ ввел единое испанское гражданство для коренных американцев и потомков испанцев в Америке — но не для африканцев и их потомков. Имперское гражданство должно было определять открытую, но не однородную политику. Процесс его принятия забуксовал на вопросах политического представительства и экономической независимости, когда король Испании отказался признать рассредоточение центральной власти, что привело к конфликту, который с таким же основанием можно назвать гражданской войной на Американских континентах, как и освободительными войнами [Feros 2017; Migow 2015]⁵.

Деколонизация 1780-х и 1820-х годов в обеих Америках привела к появлению новых государств — хотя и не тех, которые изначально стремились создать

-
- 4 В качестве научной работы, в которой впервые использовалось понятие «деколонизация» — в том смысле, который, по-видимому, прижился, часто цитируют книгу эмигрировавшего из Германии ученого Морица Юлиуса Бонна [Bonn 1938]. Тодд Шепард приписывает первое употребление этого термина во французском языке журналисту Анри Фонфреду в 1836 году, а последующие упоминания обнаруживает в 1920-х годах [Shepherd 2006: 5]. По мысли Фонфреда, крах европейских империй на Американских континентах означал, что «мы приближаемся к закату эры колоний». Фонфред критиковал французские колониальные проекты на Антильских островах за их жестокость и экономическую неэффективность. Он ошибся в своем прогнозе более чем на век (см.: [Carnap 1846: 161]).
 - 5 Ферос описывает конфликт по поводу многих аспектов конституции как в Испании, так и в ее американских колониях. Отчасти решение признать всех жителей империи (за исключением темнокожих) испанцами было обусловлено тем, что единственным способом победить Наполеона и сохранить империю было заручиться поддержкой населения американских колоний [Feros 2017: 249].

большинство повстанцев, — но не смогла положить конец легитимности империй во всем мире. Джефферсон утверждал в 1776 году, что целью американских патриотов было создать «империю свободы». Рабство и уничтожение сообществ коренных американцев показали, что свобода предусматривалась для некоторых, а империя — для всех остальных. В самом деле, молодая республика начала захватывать земли индейцев еще более решительно и жестоко, чем это делала британская корона. Соединенные Штаты приняли ряд все более дискриминационных мер, посредством которых коренные народы оказались помещены за рамки национального сообщества; Верховный суд в постановлении 1830 года описывал их как «зависимые народы на территории страны». Лишь в 1924 году те коренные американцы, которые не растворились к этому моменту в общественно-политическом целом, получили американское гражданство [Frymer 2017; White 1991].

В Латинской Америке не все революции начала XIX века решительно поврвали с концепциями политий как многослойных образований и отказались от экспериментов с различными уровнями автономности внутри гетерогенных политических единиц. Местные элиты часто подчеркивали свою укорененность в европейской культуре, даже признавая — в отличие от североамериканских революционеров — место в политике за коренными народами. Новые лидеры в Мексике и Бразилии переняли или сохранили императорский титул — как и правитель недавно получившего независимость Гаити и другие политики, лелеявшие экспансионистские амбиции [Mulich 2017]. Как отмечает Джереми Адельман,

идея независимости отнюдь не была заразительной. Гораздо более распространены были внутренние разногласия, порой приводившие к кровопролитию, по поводу того, как перекомпоновать осколки империи в новое целое в условиях быстро меняющихся правил игры в политике [Adelman 2008: 335]⁶.

Исследовать воспроизводимость империй в начале XIX века не означает отрицать радикальную природу отдельных экспериментов в области управления. Более дальновидные революционеры из испанских владений в Америке опирались на трансконтинентальное гражданство, предусмотренное Кадисской конституцией, хотя и стремились пойти еще дальше, вырабатывая республиканские формы правления, основанные на народовластии, при которых относительно большая часть мужского населения имела бы избирательные права. Эти политические деятели стремились преодолеть (по меньшей мере на бумаге) различия между гражданами индейского и европейского происхождения, и хотя изначально, согласно конституциям новых республик, рабы и их потомки не имели политических прав, люди африканского происхождения незамедлительно принялись выдвигать политические притязания, и в некоторых случаях политическая иерархия оказалась достаточно гибкой, чтобы наделить гражданскими правами отдельных лиц, признанных достойными этого. В кон-

6 Во введении к сборнику «Век революций в глобальном контексте, 1760—1840» Дэвид Армитидж и Санджай Субрахманьям пронциательно указывают, что, несмотря на растущую в изучаемый ими период времени взаимосвязь различных частей света, природа изменений была весьма разнообразной, включая экспансию и укрепление имперских режимов наряду с движениями, направленными против них [Armitage, Subrahmanyam 2010: xii—xxxii].

це концов избирательное право для мужчин в некоторых республиках Южной Америки охватило более широкие слои населения⁷. Хотя женщины участвовали в сопротивлении наполеоновским завоеваниям в Испании и в политической мобилизации на Американских континентах, ни авторы Кадисской конституции, ни лидеры национальных политий, возникших впоследствии, не рассматривали всерьез вопрос предоставления женщинам избирательного права [Feros 2017: 240, 255; Sabato 2018: 53, 182].

Политические лидеры в Латинской Америке не сразу приняли идею единого национального государства — вместо этого они десятилетиями спорили о том, насколько инклюзивными или, напротив, узкими должны быть границы принадлежности к государственному объединению, а также о предпочтительности федеративного принципа перед централизованным политическим устройством [Charlip 2015; García 2016]. Сопротивление исходило от коренных народов, которые сначала боролись с испанской империей, а затем побудили национальные правительства рассматривать вопросы о земельных, трудовых и политических правах [Fullagar, McDonnell 2018; McDonnell 2016]. По другую сторону находились мощные силы, отстаивавшие поддержание социальных иерархий. Я не пытаюсь здесь романтизировать революционную борьбу или представлять классовую иерархию некоей данностью, неизбежно отличающей страны Латинской Америки. Далекое и недавнее прошлое связывают конфликтующие версии политического будущего, расходящиеся друг с другом не только в вопросе суверенитета как такового, но и в том, как мыслится сущность этого суверенитета: кто и от чьего лица будет править, в рамках какой политической системы, с какими социальными, экономическими и политическими целями.

Джеймс Сандерс убедительно опроверг «деколониальный» тезис⁸ — будто бы устойчивые неравенства в Латинской Америке укоренены в истории колонизации, — настаивая, что прогресс и регресс политической инклюзии и социальной мобильности необходимо оценивать в контексте актуальных проблем, а не фатального наследия прошлого. По мнению Сандерса, Европе есть чему поучиться у испанской Америки XIX века в отношении политических свобод. Споры о том, насколько далеко должны зайти политические, социальные и экономические изменения в период, следующий за обретением независимости от имперского господства, велись с самого начала, а не были придуманы и раздуты академиком XXI века [Sanders 2019].

Какими бы энергичными ни были их политические эксперименты, независимые республики и империи Западного полушария существовали в мире империй. В самом деле, относительно хрупкая независимость государств Северной и Южной Америки предоставила Великобритании возможность развивать «империализм свободной торговли»⁹. Говорить об империализме, а не просто о свободной торговле в данном случае можно не только в силу асимметричной природы экономических отношений, но и потому, что Британия

7 Сложный и противоречивый характер политики в Латинской Америке в годы после обретения независимости описан в: [Fradera 2018; Helg 2004; McGraw 2014; Sabato 2018; Sanders 2004: 193; Thurner 2019].

8 Пример деколониального тезиса см.: [Mignolo, Walsh 2018].

9 См. классический (но спорный) текст: [Robinson, Gallagher 1953]. О французском аналоге см.: [Todd 2021].

использовала свою военную мощь, если что-либо вставало на пути ее компаний. Таким образом, эта форма империализма потенциально могла превратиться в завоевание территорий, включение их в состав Британской империи и последующее администрирование — как это происходило в некоторых частях Африки начиная с 1861 года [Knight 1999: 139]. В тех случаях, когда до такого не доходило, экономические транзакции зависели от предположительно добровольных действий латиноамериканских элит. Соединенные Штаты первоначально были объектом такого рода империализма, но в конце концов стали одним из ключевых его акторов по отношению к Латинской Америке и другим регионам. США выработали собственный репертуар господства, включавший в себя экономические и культурные элементы, поддержку государственных переворотов или прокси-войн, временную оккупацию и, реже, колонизацию (Пуэрто-Рико, Филиппины), наряду с их основным проектом по строительству империи — заселением материковых территорий Северной Америки выходцами из Европы и вытеснением коренных американцев в «резервации»¹⁰.

Колонизация как заселение

В наши дни колонизация чаще всего представляется как форма господства некой державы над территорией, которая географически удалена от нее и обладает выраженными культурными отличиями. Однако в XIX веке (и не только) было актуально и более раннее понимание этого термина, восходящее к Римской империи: перемещение жителей из одного региона в другой, в результате чего образовывалась общественная формация, сохраняющая социальные и культурные связи с местом происхождения поселенцев. Колонисты могли пренебрегать желаниями и интересами коренного населения колонизированного региона, поддерживая неправомерные различия между этим населением и собой¹¹. Темы исследования и заселения «новых» территорий — где притязаниями коренного населения на землю можно было пренебречь — связывают деколонизированную Латинскую Америку с колонизируемой Африкой. Оба региона привлекали европейских мигрантов, которые могли рассматривать эти направления в качестве альтернативы, а латиноамериканские элиты, кроме того, были заинтересованы в колонизации (в римском смысле) сельской местности, которую они считали частью своих национальных территорий.

Колонизация территорий — в национальных государствах и в «официальных» колониях — в XIX веке приобрела интернациональный характер, сделавшись предметом обсуждения элит в разных странах и на практике пересекая границы [Daughton 2008; Wagner 2016]. То, что американисты иногда называют «историей иммиграции», можно также рассматривать как историю коло-

10 Недавние примеры использования концепта «империя» применительно к истории США см.: [Hopkins 2018; Maier 2007].

11 О колонизации в Римской империи см.: [Beard 2016]. Исследователь классической античности Мозес Финли, верный римской модели, различает «колонию» — термин, обозначающий и заселение, и господство, — и «империю», которая предполагает расширение власти другими способами. Если следовать этой логике, многие территории, которыми управляло британское Министерство по делам колоний — Золотой Берег, Уганда, — колониями не являлись. Финли не пожелал рассматривать колонизацию в ее многообразных, пересекающихся формах [Finley 1976].

низации: миллионы европейцев колонизировали сельскохозяйственные регионы Северной и Южной Америки, Австралии и Африки.

Заселение территорий в недавно обретших независимость государствах Южной Америки привлекало европейцев, чьи страны не были исторически вовлечены в борьбу за политическую власть в регионе, например немцев. Еще раньше, с XVIII века, носители немецкого языка начали переселяться в Россию — так появились поволжские немцы. Начиная с 1816—1817 годов группы немецкоязычных переселенцев (это было за десятилетия до создания единого германского государства) направлялись в Южную Бразилию; движение достигло пика в 1885—1894 годах. Около 400 тысяч немцев эмигрировали в страны Латинской Америки в XIX веке [Manz 2014: 29]. К 1920 году около 200 тысяч немцев переселились в Бразилию. Это движение было по большей части хорошо организовано, но в нем не участвовало прусское, а позже германское государство, власти которого были и рады видеть распространение немецкого влияния в других частях света, и озабочены убылью населения [Conrad 2010: 282—285]. Большую роль играли частные ассоциации. Так, например, Гамбургское общество переселенцев в середине XIX века направило 17 тысяч немецких колонистов в бассейн Ла-Платы в Аргентине и в Южную Бразилию. Колонизация территорий в Аргентине и Бразилии с середины 1880-х годов привлекла большее число немцев, чем официально образованные колонии Германии, такие как Юго-Западная Африка¹². Сходным образом в 1840-е годы больше французов присоединились к колонизации Южной Америки, чем отправились в Алжир, хотя он и стал в это время французской территорией [Wagner 2016: 41, 44].

Немецкие колонисты стремились утвердить свою культурную автономию в тех местах, где сосредоточились их поселения, но не в форме аннексии этих регионов германским государством. Они развивали церковную инфраструктуру (в основном протестантскую в странах, где большинство населения были католиками), открывали школы, клубы, театры. Значительные усилия прикладывались ради того, чтобы сохранить немецкий язык, — нередко они принимали форму сопротивления изучению португальского или испанского. После 1870-х годов, в условиях консолидации и экспансии германского государства, такая форма колонизации стала частью более обширного репертуара стратегий распространения имперской культуры и влияния на прилегающие европейские территории (Эльзас-Лотарингия, Польша, Южная Дания) и заморские владения в Африке, Тихом океане и Китае. Образующие при этом эмоциональные и материальные связи простирались за пределы зон, над которыми Германия осуществляла политический контроль¹³.

В этом контексте переселение не было проектом колонизирующего прусского или германского государства и не управлялось латиноамериканскими

12 Мэтью Фитцпатрик продемонстрировал значимость частных обществ для усиления немецкого присутствия и влияния в Латинской Америке, отмечая, что эти общества наталкивались на безразличие и противодействие прусского, а затем германского правительства к их проектам. Он видит в деятельности этих обществ часть либерального проекта по строительству германской нации, хотя этому аргументу противоречит тот факт, что колонисты отправлялись в негерманские государства [Fitzpatrick 2008: 75—100].

13 Слово «колония» (Kolonie) использовалось для описания поселений и на тех территориях, которые не контролировались германским государством, и на тех, которые контролировались [Manz 2014: 38].

странами, хотя часто пользовалось поддержкой государственных элит. Этот процесс переносил людей европейского происхождения в места, населенные коренными народами, чьи интересы считались несущественными. Среди европейских и латиноамериканских сторонников колонизации были либералы, которые видели в ней прогрессивное начинание, раздвигающее границы независимых латиноамериканских государств или распространяющее немецкую культуру за океаном. В Северной и Южной Америке колонизация территорий зависела от способности деколонизированного государства обеспечить безопасный захват земли. Национальные элиты в Южной Америке расширяли собственное влияние совместно с внешними колонистами, и некоторые из их практик управления территориями, на которых сосуществовали поселенцы и коренные жители, напоминали практики управления формально колонизированными землями [Knight 1999: 141].

В 1880-е годы, когда русский царь изгнал поволжских немцев, целые деревни переселились в Аргентину и Бразилию. Еще в 1900 году Германское общество переселенцев пропагандировало миграцию в Южную Бразилию, Парагвай, Чили, Канаду и Австралию, которым зачастую отдавалось предпочтение перед заморскими владениями Германии. Такая форма колонизации несла с собой идеологию пангерманизма — превозносившую, среди прочего, переселение в край, где нет евреев [Conrad 2010: 543—566; Wagner 2016: 56]. Однако в конце столетия поборники распространения имперского влияния Германии искали пространство для заселения поближе — в Восточной Европе. Эти изменения имели фатальные последствия в XX веке [Berger 2015: 262]¹⁴.

Коренные народы нередко оказывались перемещенными в результате переселения на их земли граждан новых республик или недавних иммигрантов. Этот процесс был кровавым [Miki 2018]. Колонизаторы обычно не хотели об этом задумываться, и их сторонники в Европе либо замалчивали насилие, либо настаивали на том, что перемещение или даже уничтожение коренного населения необходимо для экономического прогресса [Penny 2003]. В то время как шокирующее насилие в Бельгийском Конго обернулось международным скандалом, разрушительные последствия колонизации земель в других контекстах оставались скрыты под покровом нормы.

В глобальном масштабе колонизация территорий европейцами хронологически совпала с колонизацией как государственным проектом территориальной аннексии. В 1830 году, спустя пятнадцать лет после разгрома Наполеона I, Франция вступила в новую фазу имперской экспансии, отвоевывая Алжир у Османской империи, а затем подчиняя своему влиянию другие территории в Северной Африке. В 1852—1870 годах другой Наполеон, племянник Первого, назвал свой режим Второй империей. Как подсказывает его мексиканская авантюра, этот Наполеон пытался собрать воедино сложносоставную политику с различными формами управления, взяв за образец одновременно Наполеона Бонапарта и Римскую империю. Его идеи активно оспаривались и эволюционировали, но в целом его мышление было сформировано, согласно формулировке Кристины Кэрролл, образом французской империи «как мно-

14 Бергер указывает на аргументы в поддержку «колонизации» Восточной Европы, звучавшие в начале XX века, которые ссылались на предыдущий опыт поселений на Американских континентах и практически игнорировали славянские народы, жившие в этих привлекательных регионах [Berger 2015: 262—263].

гонационального единства, состоящего из различных народов, управляемых единой центральной администрацией» [Carron 2019: 86]. В отношении Алжира Наполеон III гордо заявил, что он император не только французов, но и арабов. В период Второй империи, а также наследовавшей ей Третьей республики Франция утвердила протектораты и колонии в Юго-Восточной Азии и Африке [Sessions 2011]. Сохранение «старых колоний» в Карибском бассейне, безрезультатная мексиканская авантюра, упор на то, что Алжир является составной частью Франции, хотя большинство его жителей не обладают правами гражданства, признание по крайней мере некоторых таких прав за жителями старых колоний в Сенегале и непризнание этих прав за новообретенными подданными в других частях Африки, расчет на формирование протекторатов посредством договоров, заключаемых с местными монархами, вместо создания колоний — все эти аспекты французской политики были вариациями на тему утверждения вертикали имперской власти¹⁵.

Германия в 1871 году объявила себя рейхом, а своего правителя — кайзером (то есть цезарем), тем самым отождествляясь со Священной Римской империей (первым рейхом, от которого вели отсчет остальные). Эта новая империя инкорпорировала носителей польского, датского и французского языков, отказавшись при этом от аннексии немецкоязычной Австрии, несмотря на поражение последней в войне 1866 года. Таким образом, Германия выбирала стратегию «империализации», а не «национализации» [Ther 2004]. Вскоре эта держава начала захватывать заморские территории.

«Драка за Африку» 1870—1914 годов происходила в условиях расширяющейся сети все более стремительного транспортного сообщения и коммуникаций: пароход, телеграф, Суэцкий канал. Все эти изменения — обозначаемые неточным общим термином «глобализация» — осуществлялись в мире, господство в котором продолжительное время сохраняли за собой немногочисленные империи. Как и на протяжении большей части исторического времени, эти империи были обеспокоены вопросами контроля над разнородным населением и своим собственным политическим и идеологическим единством, но больше всего они были обеспокоены друг другом. В конце XIX века интересы наращивавшей промышленную мощь Германии, а также экономически влиятельных Британии и Франции наталкивались на по-прежнему геополитически значимые позиции Австро-Венгрии, Османской империи и России. От греческих войн до Крымской Британия, Франция, Россия и Турция пытались ограничить влиятельность друг друга, иногда используя для этого подручных — религиозные или этнические меньшинства в империях соперников. Колонизация Африки носила упреждающий характер, так как каждая из держав была обеспокоена тем, что другая может начать действовать первой, чтобы получить монопольное право пользования ресурсами. Технологический прогресс в XIX веке создал возможность занять какое-то количество территорий с минимальными затратами, и каждая из сторон опасалась, что это сделают другие.

На вызовы, связанные с развитием коммуникаций и конкуренцией, державы отвечали прочерчиванием границ, которые разделили Африку и Азию

15 По этой причине я считаю выдвигаемую некоторыми историками концепцию «новой» французской империи XIX века (или второй британской империи) менее полезной, чем изучение меняющегося репертуара имперской власти. См.: [Burbank, Cooper 2010].

на зоны имперской монополии и потенциальной изоляции; разными народами управляли по-разному. Разделив между собой Африку, европейские страны почти ничего не вкладывали в эти территории и задействовали минимальный административный аппарат — за исключением случаев добычи дорогостоящего сырья или переселения белых колонистов. Колонизация была всемирным феноменом и некоторое время казалась нормальной частью глобальной политики, но при этом представляла собой эклектичный набор разнородных интересов, степеней контроля, уровней вовлеченности [Burbank, Cooper 2010: 287—329].

Одновременно с тем, как небольшое количество стран-колонизаторов установили территориальный контроль над своими новыми владениями, изменилась риторика элит в этих государствах. Флориан Вагнер отмечает начавшийся в 1890-е годы переход от поощрения колониализма, осуществляемого путем создания поселений, к административному управлению и эксплуатации колоний — разновидности колонизации, при которой коренные народы и их общества остаются на месте и оказываются подчинены научно организованной системе управления. Международный колониальный институт, основанный в 1893 году ведущими предпринимателями и чиновниками из разных стран Европы, возглавил переход от одной формы колонизации к другой. Он искал решение проблемы, с которой сталкивались все империи: как организовать пространство по всему миру, связанное различными инфраструктурными сетями и при этом разделенное на политические блоки — национальные в Южной Америке, имперские в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии [Wagner 2022].

Поселенцы, однако, никуда не делись — наоборот, в некоторых местах они упорно цеплялись за свои колонии. Что бы ни говорили идеологи новой, рациональной формы колонизации, колонисты обладали способностью держаться крепко, даже когда их присутствие вызывало раскол в имперских правительствах. Поборники интернационалистского колониализма отказались признавать поселенцев спустя десятилетия после того, как колонисты в Западном полушарии отказались признавать над собой колониальное господство. Колонисты сыграли важную роль в некоторых из наиболее жестоких эпизодов колонизации и деколонизации — к примеру, в Кении, Родезии и Алжире. Поселения являются ключевым элементом продолжающегося конфликта в Израиле/Палестине, где еврейские колонисты начали покупать землю во времена господства Османской империи, получили привилегированный статус, когда регион контролировали британцы, достигли независимости в 1948 году, вытеснив многих палестинцев с их земли в изгнание, и продолжили колонизацию палестинских земель после 1967 года¹⁶. То, что часто именуют формой колониализма, осуществляемого путем создания поселений (*settler colonialism*)¹⁷, зачастую приобретало более агрессивный характер, покидая пределы колониальной империи и становясь частью политики *национального* государства, как произошло в Соединенных Штатах, Австралии или Израиле [Cavanaugh, Veracini 2016; Elkins, Pedersen 2005; Veracini 2010]. Колонизация территорий в Западном по-

16 Недавние дополнения к теоретической литературе по этой противоречивой теме включают в себя: [Fields 2017; Khalidi 2020].

17 На уровне империй это понятие является проблематичным, потому что империи часто задействовали репертуар стратегий, совмещавший поселенческие колонии, администрируемые колонии — источники природных ресурсов и протектораты.

лушарии происходила в контексте деколонизации; в Азии, Африке и на Ближнем Востоке колонизация территорий стала частью репертуара колонизирующих государств.

Разрывы и преемственность в истории колонизации

Необходимо поставить под сомнение еще один тезис линейного повествования о конце империи: будто бы глобальная деколонизация если и не началась в 1776 году, то точно отсчитывает свою историю с доктрины о «самоопределении», принятой после Первой мировой войны. Для Вудро Вильсона самоопределение относилось только к белым, но более изощренные версии этого нарратива утверждают, что гнев, вызванный исключением колонизированных народов из этой концепции, запустил мобилизационные процессы, направленные против империи. Странники этого тезиса указывают на восстания в Египте, Индии, Корее, Китае и Ирландии. Однако экстраполяция на основании этих событий является проблематичной. За исключением Ирландии, все эти освободительные движения были подавлены. Колониальные державы по-прежнему обладали обширным арсеналом властных инструментов и не раздумывая пользовались ими. В Африке наиболее значительными изменениями на карте колониальных владений между 1918 годом и Второй мировой войной стало перераспределение германских колоний между другими империями и завоевание Эфиопии итальянцами. Тем временем в XX веке возникли новые формы империй и имперского воображаемого: Советский Союз, Япония, нацистская Германия, фашистская Италия¹⁸.

Появились также новые формы политического воображаемого, которые не были ни имперскими, ни национальными — по крайней мере, национальными в территориальном смысле: панфриканизм, панславизм, панарабизм. Революционное воображаемое апеллировало к идее универсального порядка, соотношение которого с национальными притязаниями могло быть различным и меняться в ответ на различные формы активизма, а также на меняющиеся стратегии Советского Союза. В 1920—1930-е годы были открыты альтернативные направления для усиления контроля в колониальных империях, для новых форм империи и для различных форм антиколониальной мобилизации. Прочертить ожидаемый путь от 1919 года к деколонизации 1950-х и 1960-х годов — значит проигнорировать матрицу возможностей, в рамках которой действовали люди, и обойти молчанием колоссальные последствия еще одной мировой войны¹⁹.

18 Эта мысль развивается в: [Burbank, Cooper 2019]. Изысканную версию аргумента о самоопределении и закате империи можно найти в: [Manela 2007]. Влияние самоопределения и национальных государств сейчас подвергается критическому пересмотру, см.: [Theer 2014; Weitz 2019].

19 В последнее время историки перешли от изучения развития националистических движений на территориях, которые впоследствии станут независимыми государствами, к рассмотрению трансимперских связей, будь то коалиции националистических движений, движения, направленные на изменение мирового порядка, глобальный коммунизм, диаспорическая солидарность или другие формы взаимодействий. Недавний пример см. в: [Louro et al. 2020].

Влияние Второй мировой войны на колониальные империи было еще более заметным, чем Первой мировой, и не потому, что британская, французская, голландская империи неотвратимо угасали под действием самоопределения народов. Конфликты между империями приобрели новое направление в результате подъема нацистского Рейха, а также двух других могучих политических образований, которые утверждали, что не являются империями, — СССР и США [Mazower 2008]. Вторая мировая война в Европе была почти столь же разрушительна для победителей, как и для побежденных, приведя к утрате промышленных мощностей и экономической инфраструктуры, долгам и подрыву расовой самоуверенности²⁰. Но наибольшие изменения были связаны с появлением еще одной империи — Японии. По итогам Первой мировой войны Япония оказалась более процветающей, чем когда-либо прежде. Она укрепила свои позиции в Корее и к 1930-м годам начала вторжение в Китай, а затем на контролируемые европейскими странами территории в Юго-Восточной Азии [Itagaki et al. 2012; Yellen 2019; Young 2018]. Именно в Юго-Восточной Азии и начала распадаться европейская колониальная империя²¹.

Кризис империи в первые послевоенные годы также испытал влияние конфликта между двумя наиболее очевидными победителями во Второй мировой войне, США и СССР. В начале 1940-х годов в администрации Соединенных Штатов были сомнения относительно того, стоит ли ввязываться в борьбу за колониальные империи Британии и Франции, но в свете войны и назревающего противостояния с коммунизмом США решили сэкономить силы. В 1946 году они отказались поддержать попытку Нидерландов реколонизировать голландскую Ост-Индию — видя в движении, возглавляемом Сукарно, разновидность национализма, с которым можно ужиться, — но оказали содействие Франции ее попытке реколонизировать Вьетнам — где, по (обоснованному) мнению лидеров США, Хо Ши Мин затевал коммунистическую революцию — в борьбу с которой они сами позднее вступят. Десять лет спустя правительство США остановило военное вмешательство Франции, Британии и Израиля в национализацию Суэцкого канала Египтом. Давая понять, что они готовы ужиться с националистическими лидерами вроде Сукарно и Насера, Соединенные Штаты обозначили стремление мыслить не в категориях ограниченного количества переживающих закат империй, а в категориях национальных государств, за чью лояльность, рынки и политическое воображаемое будут соперничать две оставшиеся сверхдержавы. Учитывая экономическую мощь и культурное влияние США, а также развитую сеть военных баз, обозначающих их военное присутствие, американские лидеры видели большую выгоду в мире, состоящем из множества национальных государств, а не из немногочисленных империй. В своем противостоянии глобальному коммунизму и терпимом, если не попустительском, отношении к политическим инициативам, осуществляемым в национальной парадигме, США способствовали развитию

20 Появляется все больше работ о Второй мировой войне в колониях, и эти исследования показывают, как война одновременно сделала видимыми значимость колоний для европейских держав, хрупкость их контроля над колонизированными территориями и эксплуатацию, лишения и гнев, которые испытывали колонизированные народы. См., к примеру: [Jennings 2015].

21 См. примеры исследований, в которых предпринимаются трансрегиональные сравнения: [Bogaerts, Raben 2012; Thomas, Thompson 2018].

деколонизации по конкретному сценарию, предусматривавшему создание национальных государств²².

Изначально, даже учитывая распад империй в Юго-Восточной и Южной Азии, вовсе не было очевидно, что такой сценарий является единственно возможным. Колониальные державы считали, что у них еще есть неиспользованные козыри, а антиколониальные движения ставили перед собой целый ряд различных целей.

Пересборка империи, распад империи

Как я уже говорил выше, линейная история деколонизации не позволяет убедительно связать конец XVIII века с серединой XX столетия, несостоятельна она и в отношении событий, непосредственно последовавших за 1945 годом. В действительности и продолжавшие существовать колониальные державы, и некоторые из наиболее серьезных их противников в это время пытались перестроиться. В 1945 году ни те, ни другие не могли знать, что их противостояние окончится независимостью и созданием территориальных национальных государств. Величайшие умы эпохи предусматривали и другие возможные сценарии.

Изначально Франция и Великобритания в ответ на потери в Азии начали уделять больше внимания своим африканским колониям. На этих колониях я и сосредоточусь в оставшейся части статьи. Британское и французское правительства видели в африканских колониях источник ресурсов — сырьё, которое они больше не могли получать из Азии. Эти ресурсы были особенно ценными из-за необходимости продавать сырьё за доллары, чтобы французская и британская экономики смогли снова оказаться на плаву. Это означало возросшее внимание к концепциям «развития», которые должны были улучшить производительные мощности африканских колоний, в то же время подводя основание под утверждения, будто колониальный режим помогает африканцам улучшить уровень жизни. Развитие оказалось палкой о двух концах, скорее разжигая конфликты, чем способствуя их преодолению, и наглядно демонстрируя, что любые притязания на политическую власть по сути сводятся к борьбе за ценные ресурсы²³.

Ни британское, ни французское правительство в 1945 году не думало, что настал момент отказаться от империи. Лидеры Великобритании полагали, что их африканские владения могут стать опытным полигоном для передачи власти, но лишь по завершении длительного процесса образования местных жителей (которым колонизаторы не особенно занимались). А французская элита сделала более далеко идущие шаги по предоставлению африканцам прав гражданства в империи, хотя и ограничила их в избирательных правах.

22 Джон Келли и Марга Каплан утверждают, что антиколониальные движения в послевоенные годы не были сосредоточены исключительно на создании независимых национальных государств, но ООН сыграла важную роль в том, что такая перспектива стала единственно возможной [Kelly, Kaplan 2004]. Можно спорить о том, насколько мы готовы согласиться с этим мнением. О США, холодной войне и деколонизации см. также: [Connolly 2002; Westad 2011].

23 См. недавние работы в бурно развивающемся поле истории развития (обратите внимание на любопытную разницу подзаголовков): [Lorenzini 2019; Unger 2018].

Подобно Кадисской конституции 1812 года, французская конституция 1946 года была попыткой найти новые основания для разнородной политической общности, и в обоих случаях — хотя и по-разному — проект конституции тянули в противоположные стороны те, кто хотел вновь сконцентрировать власть в центре, и те, кто хотел предоставить больше независимости заморским территориям. Небольшая, но активная группа африканских делегатов участвовала в работе ассамблеи, готовившей текст конституции, и их основным требованием было предоставление французского гражданства жителям колоний, считавшимся французскими «подданными» без гражданских прав. В ходе прений некоторые из депутатов ссылались на эдикт Каракаллы 212 года новой эры, который сделал гражданами Римской империи все ее свободное мужское население, не требуя от них при этом, как отметил один из депутатов, отказаться от их собственной культуры.

Отправной точкой для притязаний африканцев стало не абстрактное видение национального государства, а иерархическая структура, в которой все жители колоний безусловно были французами, но не одинаковыми и не равными друг другу. Эта историческая имперская парадигма вызывала более живой отклик, чем интернациональные; она отсчитывала свою историю от Декларации прав человека и гражданина 1789 года и от того краткого периода в 1790-е годы, когда перед лицом угрозы со стороны роялистов, империй-соперниц и мятежных рабов Французская республика освободила рабов на своих территориях в Карибском бассейне и дала им статус граждан (уже в 1802 году Наполеон восстановил рабство и отнял у рабов гражданские права). Возглавлявший борьбу за права гражданства в 1946 году сенегалец Леопольд Седар Сенгор отстаивал предоставление политических прав в масштабах всей империи²⁴.

В 1940—1950-х годах попытки перестроить империю, превратив ее в федеративное образование с меньшим уровнем неравенства, существовали наряду с требованиями немедленно предоставить колониям полную независимость. Но сторонники независимости не обязательно видели в суверенном национальном государстве свою единственную цель. Адом Гетачев отсылает в этой связи к политике «миростроительства» (worldmaking). Установления контроля над национальным государством было бы недостаточно для того, чтобы дать колонизированным народам шанс улучшить свое положение — требовалась трансформация мирового порядка. Многие видели выход из ситуации, созданной колонизацией, в той или иной форме федерализма: Сенгор мечтал о конфедерации бывших колоний с их бывшей метрополией, Кваме Нкрума — о федерации или конфедерации независимых африканских государств. Вест-индские политики пытались — в итоге безуспешно — образовать федерацию островных территорий [Getachew 2019].

Рассматривались и другие способы переустроить политическое пространство. Вскоре после окончания войны европейские правительства начали переговоры о том, что они уже тогда называли Европейским союзом. Для достижения этой цели потребовалось более четырех десятилетий, но европейские амбиции Франции незамедлительно создали проблему заморских территорий (как теперь назывались колонии). Французские политики беспокоились, что

24 Дискуссия по поводу предоставления гражданских прав жителям колоний в рамках новой конституции послевоенной Французской Республики, включая участие Сенгора, подробно обсуждается в: [Cooper 2014].

присоединение к «Европе» может разделить Францию на две части — ее европейскую и африканскую составляющие. Африканские лидеры, только что получившие права французского гражданства, настаивали на том, что хотели бы иметь право голоса и в более крупном объединении, если оно будет создано. Обе стороны начали призывать к созданию «Еврафрики»²⁵.

Подобное объединение открыло бы более обширные рынки для африканской продукции и перераспределило бы бремя развития на партнеров Франции. Также существовал реальный риск, что колониальное господство превратится в панъевропейский проект. Дискуссия о Еврафрике на время затихла, так как амбиции европейских лидеров перешли с образования политической конфедерации на экономическое сотрудничество. Но когда возобновились переговоры о создании Европейского экономического сообщества в 1958 году, Франция настояла на том, чтобы в них были включены ее африканские территории (в том числе Алжир) — в тот момент эта идея все еще пользовалась поддержкой африканцев. В конце концов Германия и другие европейские страны не захотели взваливать на себя бремя бывшей империи, и Франция пошла на уступки. Ее африканские территории получили только «ассоциированное» членство в ЕЭС без права голоса. Тем не менее тот факт, что высшие должностные лица Франции и лидеры африканских политических движений в принципе могли рассматривать такую общность, как Еврафрика, указывает на необходимость с вниманием отнестись к воображаемым пространствам, которые мыслили себе люди в то время — а не только к нашим собственным представлениям о том, как они должны были мыслить.

Алжир, где колонисты, военные и французская администрация способствовали размыванию сути гражданства, в это время уже скатывался в войну 1954—1962 годов, но во французской экваториальной Африке до 1957 года лишь одна политически значимая партия заявила о притязаниях на независимость²⁶. Все остальные рассуждали о возможности превратить империю в федерацию или конфедерацию и спорили о значении этих понятий. Статья конституции о гражданстве наделила правами всех, но она также закрепляла различия. Вступление в брак, получение наследства, установление родства для жителей заморских территорий (но не метрополии) не регулировались французским гражданским кодексом. Не то чтобы Франция превратилась в эгалитарный и мультикультурный рай. Она действовала в собственных интересах, пытаясь по мере сил сохранить сложное, многообразное и несправедливое политическое образование, уступить требованиям равенства лишь настолько, насколько необходимо, и сохранить в Париже как можно больше власти. Но Франция не могла контролировать динамику этих отношений.

Гражданство — это концепция, позволяющая формулировать требования. Африканские политические и социальные движения выдвигали свои требования в речах, избирательных кампаниях и законодательных инициативах, а также посредством забастовок и демонстраций в городах и организационной работы в сельской местности. Иногда африканцы получали то, чего требовали. Наибольших успехов они добились с точки зрения социальных прав, потому

25 Среди растущего числа работ о Еврафрике см.: [Bitsch, Boussuat 2005; Brown 2022; Davis 2015; Migani 2008; Montarsolo 2010]. О Еврафрике и политике во французской Африке см.: [Cooper 2014].

26 Об этом исключении см.: [Terretta 2014].

что не было никаких законных или логических оснований, для того чтобы утверждать, что африканцы должны получать менее высокую заработную плату или менее качественное школьное образование, чем остальные граждане. Трудовой кодекс 1952 года представлял собой победу африканских профсоюзов и депутатов: по нему наемные рабочие в Африке получили такую же структуру социальных гарантий и производственных отношений, что и рабочие в европейской части Франции. Новый режим труда был установлен только для наемных рабочих — незначительного меньшинства тружеников (преимущественно мужского пола) в экономиках, остававшихся по большей части аграрными. Чиновники и профсоюзные деятели в основном считали, что экономическая роль женщины сводится к семье или неоплачиваемой деятельности. Действительно, хотя женщины играли значительную роль в политическом и социальном активизме 1940—1950-х годов (и получили избирательные права), ни колониальное государство в последние годы своего существования, ни ключевые лидеры африканских партий не отводили женщинам хоть сколько-нибудь значимого места в формирующихся политических институтах²⁷ [Cooper 1996].

Несмотря на всю неравномерность процесса предоставления социальных прав, для колониального государства самым значимым было то, что он обошелся дорого и логического конца ему было не видно до тех пор, пока все народы Французского союза (как теперь называлась империя) не добьются сопоставимого уровня жизни. Сам по себе процесс истребования политических прав и социально-экономических благ в рамках Французского союза поддерживал значимость империи в африканском политическом воображаемом. Сенгор пытался удерживать двойной фокус внимания: на том, что он называл «горизонтальной солидарностью» — отношениях африканцев друг с другом — и «вертикальной солидарностью» — отношениях африканцев с Францией. Он в полной мере осознавал асимметричный характер этих «вертикальных» отношений, но они составляли и объект притязаний, и средство для их реализации. У Сенгора был конкретный план для воплощения в жизнь его видения, предусматривавший три уровня: территорию конкретного государства, африканскую федерацию и, наконец, французскую конфедерацию, в которой африканская федерация имела бы равный статус с метрополией и другими составляющими бывшей империи. Феликс Уфуэ-Буаньи, его соперник из Кот-д'Ивуар, представлял себе двухуровневое будущее, в котором каждая из заморских территорий участвовала бы наряду с метрополией в федерации равных.

Поиск некой формы федеративной структуры в качестве замены империи продолжался до 1960 года. Инициатива, которая наиболее существенным образом ослабила его, исходила от французского правительства, столкнувшегося с издержками развития и гражданства. В 1956 году французы согласились передать управление внутренними делами — и ответственность за сопряженные с ним расходы — выборным законодательным органам каждой территории, сохранив при этом французский суверенитет над ними. Политические партии сосредоточились на том, чтобы выиграть местные выборы и заполучить власть на уровне территории, и цель Сенгора создать африканскую федерацию внут-

27 О гендере и политике см. специальный выпуск журнала «Социальное движение» (Le Mouvement Social. 2016. No. 255) «Африканские женщины и коллективная мобилизация (1940—1970-е годы)» под редакцией Эмманюэль Буйи и Офели Рийон, а также: [Berger 2016].

ри французской конфедерации стала труднодостижимой. Прежде задача заключалась в том, чтобы африканцы сотрудничали друг с другом, а не только с Францией. На фоне конфликтов между африканскими лидерами первый вид сотрудничества стал казаться все более призрачным, а второй утратил привлекательность: федерация перестала быть жизнеспособной альтернативой.

Вновь значимым оказался глобальный контекст: Гана получила независимость в 1957 году, Организация Объединенных Наций и другие международные институты признавали и давали право голоса новообразованным государствам. Когда Гвинея в 1958 году в последний момент решила не участвовать в очередной попытке французов реорганизовать бывшую империю, и между лидерами французской Африки разгорелся конфликт по поводу федерации (окончившийся созданием ее усеченной версии, федерации Сенегала и Французского Судана, которая вскоре, в августе 1960 года, распалась из-за соперничества политических лидеров), жребий был брошен: независимость обрела форму территориальных государственных образований.

Раньше Сенгор и его коллеги рассуждали о создании африканской нации. С сентября 1960 года они стали говорить о создании сенегальской нации. Сенгор, как и многие другие, пытался найти ее истоки в прошлом. Мы, будучи учеными, не обязаны этого делать. В нашем распоряжении имеются способы исследовать более разнообразные формы политического воображаемого, и мы можем рассмотреть перипетии, приведшие к положению, в котором многие исторические акторы 1940—1950-х годов вовсе не хотели оказаться.

В других имперских контекстах деколонизация развивалась по иным сценариям. Британская империя ориентировалась на модель Содружества, в котором ее владения, такие как Канада, приобретали политическую автономию, оставаясь формально подчинены королю или королеве, но фактически постепенно становясь все более независимыми. Еще в 1950 году большинство британских чиновников полагали, что в Африке этот процесс может растянуться на десятилетия. Но, как и в случае Франции, ход событий определяли не они. Хотя обе страны смогли устранить с политической арены с примечательной жесткостью отдельные движения, которые они считали чересчур радикальными (например, в Камеруне и Кении), иногда им приходилось пересоздавать репутацию африканских лидеров, которых они прежде демонизировали (таких как Кваме Нкрума и Джомо Кениата), превращая их в образцы умеренности и современности, в сотрудничестве с которыми можно было провести деколонизацию по приемлемому для колонизаторов сценарию. Менее централизованная британская система не поощряла полагаться на руководящую роль Лондона в той мере, в какой французская колониальная система предусматривала главенство Парижа; невозможно было себе представить, чтобы африканцы заседали в британском парламенте, как в Национальной ассамблее Франции.

Но воображение Нкрумы простиралось за пределы Ганы, как и воображение Сенгора — за пределы Сенегала. В 1958 году, год спустя после обретения независимости, Нкрума готов был поступиться частью столь дорого доставшегося Гане суверенитета ради создания Соединенных Штатов Африки. Его целью было освобождение не только Ганы, но и всей Африки. Однако другие африканцы не хотели отказываться от своих позиций, чтобы последовать за ним. Нкрума смог заключить краткосрочные политические союзы с Мали и Гвинеей и весьма энергично агитировал африканцев сплотиться в борьбе с иностранными вмешательствами в дела континента, за освобождение стран, в которых все еще

господствовали белые, и за установление контроля над экономическими ресурсами и взаимоотношениями. Так или иначе, пространственное воображение некоторых из наиболее воинственных африканских лидеров не было сосредоточено исключительно на обретении независимости в форме национального государства, но предполагало более широко понимаемые формы освобождения и пространственной интеграции [Getachew 2019]. Путь от первой волны деколонизации к освободительным движениям 1950—1960-х годов не только не был линейным — его конечная цель стала очевидна лишь ближе к концу.

Белые поселенцы в Центральной и Восточной Африке предлагали схемы федеративного устройства, направленные на распространение своего собственного влияния на соседние территории, но африканские лидеры, от которых не укрылся истинный смысл этих проектов, оказывали им противостояние, в конечном итоге успешное. Но федерализм — в специфическом восточноафриканском изводе или в panaфриканском — продолжал привлекать и некоторых из этих политиков. Джулиус Ньерере, глава новообразованной независимой республики Танганьика, активно отстаивал свое видение родства всех африканцев и политической жизни, выходящей за пределы национальных границ, участвуя в деятельности трансконтинентальных радикальных движений. Как и другие африканские лидеры, в последующие годы Ньерере осознал, что как только каждая из территорий обретала независимость — следуя по своему собственному уникальному пути конфликтов и переговоров, — возможности образования федерации становились все более туманными. Правящие элиты к этому моменту оказывались лично заинтересованными в сохранении своих позиций, которые отныне определялись национальными границами [Vaughan 2019].

Сами попытки государственных деятелей преодолеть границы государств подтверждали ключевую роль национального суверенитета в формировании их взглядов. Правящим элитам приходилось опираться на внутренние и внешние отношения, которые определяли степень их контроля над институтами народовластия. Многие африканские государства нуждались в помощи богатых стран и международных финансовых организаций, которым они адресовали свои требования и критику. Асимметричные властные отношения в планетарном масштабе оказалось крайне сложно преодолеть [Berger 2004]²⁸.

Замыкание политики в рамках национальных территорий не только убило мечты об укрупнении, но и стало препятствием на пути к локальным объединениям, к возможности самоуправления и самовыражения для общностей внутри национального государства. Сенгор, один из наиболее активных сторонников федеративного устройства на всем Африканском континенте, поначалу сотрудничал с региональными политическими движениями в Сенегале, но, когда власть оказалась в руках африканцев, он стал ярким противником превращения Сенегала в федеративное государство. Унитарное устройство было необходимо для участия в африканской федерации или французской конфедерации [Dalberto 2020]²⁹. Здесь мы можем различить эхо первой волны деколонизации: федеративные устремления 1810—1820-х годов в свое время

28 О неудачной попытке провести вторую Бандунгскую конференцию см.: [Вутпе 2016].

29 Нкрума также был убежденным оппонентом регионализма в своей собственной стране, и федералистская альтернатива в Кении тоже оказалась подавлена [Allman 1993; Brennan 2008].

были крайне значимы, но впоследствии отвергнуты (частичным исключением стала Бразилия и Мексика) в пользу более унитарных государств, из которых состоит современная политическая карта Южной и Центральной Америки [García 2016]. Страх перед сепаратизмом и пересмотром границ нередко был обоснованным как в 1820-е, так и в 1960-е годы. В 1963 году Организация африканского единства сделала сохранение существующих границ ключевым принципом для всего континента, пытаясь тем самым предотвратить конфликты и поддержать находящихся у власти правителей.

Волна деколонизации 1950—1960-х годов задала рамки, в которых отныне существовали остатки колониальных империй. Португальская империя к этому времени не предоставила политических прав даже жителям метрополии. Политическим движениям в африканских колониях Португалии пришлось прибегнуть к вооруженной борьбе, чтобы получить то, что большинству африканцев досталось в результате иных форм мобилизации. Когда соседние страны получали независимость, они предоставляли другим не только модель для подражания, но и безопасные зоны, в которых могло укрепляться партизанское движение. К тому моменту, когда антиколониальные войны в середине 1960-х годов разгорелись не на шутку, паттерн уже устоялся: Ангола, Мозамбик и Гвинея-Биссау были на пути к превращению в территориальные государства. К 1975 году они достигли этой цели, попутно поспособствовав свержению авторитарного правительства в Португалии, которая в итоге стала одновременно более националистической и более европейской, чем была в составе империи³⁰.

В странах с относительно высокой плотностью белого населения — в частности в Южной Африке и Родезии — к 1960-м годам господство белых в значительно меньше воспринималось как норма. Одностороннее объявление независимости Родезии в 1965 году, выраженное в декларации, намеренно подражавшей североамериканскому прототипу 1776 года, произошло из-за страха белых поселенцев, в колониальную эпоху получивших фактическое самоуправление, что Британия пойдет по уже устоявшемуся пути деколонизации — передачи власти мажоритарному правительству, состоящему из африканцев. Белые родезийцы начали долгую и ожесточенную войну за сохранение власти в своих руках, но к 1979 году они проиграли. Белые лидеры Южной Африки, несмотря на самоуправление, которым страна пользовалась с 1910 года, только к 1994 году поняли, что суверенитет не спасет их власть от воинствующего африканского большинства в сочетании с осуждением со стороны мировой общественности³¹.

Политические движения в Африке в своей борьбе преследовали разнообразные цели: улучшение условий жизни, участие в каких бы то ни было политических институтах, признание ценности различных пониманий культуры. Но результатом стало обретение ими национального государства, с его возможностями и ограничениями. Каждое из них получило признание в качестве одной из почти двухсот стран мира, претендующих на юридическое равенство друг с другом. Исторически с течением лет, десятилетий и столетий возника-

30 О конце португальской империи в сравнительной перспективе см.: [Bandeira Jerónimo, Costa Pinto 2015].

31 См.: [White 2015], а также обширную литературу по вопросу обретения независимости Южной Африкой.

ли и исчезали различные альтернативы этому варианту развития событий — и возможно, они еще вернуться.

Притязания на глобальное равенство: возможности и ограничения деколонизации

История деколонизации не является ни единой, ни линейной. С XVIII — начала XIX столетия и до XX века политические акторы представляли себе различные миры будущего, приходящие на смену тем мирам, которые знали они сами. Первая волна деколонизации не столько оставила четкий план действий, сколько показала, какие ожесточенные споры могут разгореться по поводу деколонизированного будущего. Более века спустя старые империи по-прежнему пытались приспособиться, адаптируя свои стратегии; новые империи появились и — в некоторых случаях — исчезли; противники империй рассматривали новые альтернативы. Возможно, если бы события Второй мировой войны развивались как-то иначе, колониальные империи все равно были бы обречены. Но как и когда они закончили бы свое существование? В действительности их закат был спровоцирован появлением новой империи в Азии и войной между империями, которая истощила ресурсы всех колониальных держав.

Подвергая сомнению линейный нарратив о деколонизации, я также указываю на границы самого этого понятия. Его базовый, чисто негативный смысл прост и понятен: деколонизация означает формальное окончание господства определенной державы над территорией, которую эта держава воспринимает одновременно как отдельную от себя и как подчиненную. В этом смысле обретение независимости странами Северной и Южной Америки между 1780-ми и 1820-ми годами с тем же основанием может быть названо «деколонизацией», как и любые другие подобные процессы. Ян Янсен и Юрген Остерхаммель в недавней книге предлагают более строгое определение: «одновременный распад нескольких трансконтинентальных империй и создание национальных государств во всех областях глобального Юга» [Jansen, Osterhammel 2017: 1—2]. Исследователи подчеркивают эту мысль, отдельно отмечая «делегитимизацию любой политической власти, которая предусматривает подчинение» по отношению к другой стране [Ibid.]³². Исходя из этого определения, первая волна деколонизации не может считаться таковой — в отличие от второй.

Другие авторы уделяют внимание не только прекращению политического подчинения. В одноименной книге 1986 года кенийский романист и драматург Нгути Ва Тхионго говорил о «деколонизации сознания» [Thiong'o 1986]. Другие утверждают, что то, что они пренебрежительно именуют «деколонизацией флагов», не привело к деколонизации экономики и не устранило тенденцию новых государств ограничивать свои политические институты рамками предположительно западных форм³³. Интеллектуалы и академики в Африке и за ее

32 Другие авторы отмечали сложность определения спектра значений, связанных с понятием «деколонизация» [Kennedy 2016; Mir 2015].

33 Об экономической деколонизации см.: [Nkrumah 1966]. Беглый поиск в «Google» выдаст страницы, посвященные деколонизации университета, музея, истории, науки и т.п. О различиях между узким и широким подходами к определению деколонизации см.: [Thomas, Thompson 2018: 1—26].

пределами подвергаются критике за то, что мыслят «западными» категориями. Полной деколонизации, с этой точки зрения, еще только предстоит достичь³⁴.

Узкое определение деколонизации предлагает видеть в ней резкую перемену: некая территория не обладала суверенитетом — и вот у нее появился суверенитет. А суверенитет имеет значение, хотя только предстоит выяснить, насколько оно велико и в чем именно проявляется³⁵. Прогрессивные лидеры в испанской Америке начиная с 1820-х годов пытались как-то использовать суверенитет, и во многих отношениях им это удалось. Они попробовали избавиться от попыток Испании контролировать торговлю в Атлантическом океане, как и политическую территорию, а после обретения независимости продолжали противостоять экономической власти Великобритании и США. Африканские лидеры начиная с 1960-х годов также пытались использовать суверенитет в своих собственных интересах и иногда также в интересах народов, которые они представляли. Им пришлось это делать в мире, который характеризовался высоким уровнем неравенства. Какими бы бедными и слабыми в военном отношении ни были деколонизировавшиеся страны, они больше не подчинялись одному-единственному хозяину, а могли — в соревновательном международном окружении — выбирать себе покровителей среди стран-соперниц. Столь различные страны, как Алжир и Кот-д'Ивуар, делали это вполне успешно, по крайней мере некоторое время [Vamba 2016; Вурне 2016]. Они обнаруживали, что суверенитет — это не нечто абсолютное, так, что он либо есть, либо его нет, а относительное явление: некоторые страны были более суверенными, чем другие, но ни одна не являлась полноправной хозяйкой своей судьбы³⁶.

Даже в узком смысле деколонизация представляет собой процесс, а не момент. Конец колониальным империям совместно положили многообразные притязания и различные формы борьбы: в 1810—1820-е годы ведущую роль сыграли требования принять конституцию Испании и образование революционных советов в различных частях испанской Америки, во французской империи XX века — войны во Вьетнаме и в Алжире, а также стремление колонизированных народов, в особенности населения Экваториальной Африки и Антильских островов, на правах французских граждан требовать социального и экономического равенства. В имперских столицах страх перед революцией, настоятельная необходимость реформ и связанные с ними расходы стали усиливающими друг друга факторами, подталкивая процесс пересборки империи в сторону передачи суверенитета.

Заключение

Попытка создать новый международный экономический порядок подсказывает, что в 1970-е годы альтернативные образы глобального политического пространства все еще были актуальны. Эта попытка стала частью совокупности

34 Использованию европейских категорий для изучения колонизированных сообществ посвящено уже большое количество работ, например: [Chakrabarty 2000; Chatterjee 1993]. О релевантности этих исследований применительно к деколонизациям в Латинской Америке 1820-х годов см.: [De Lima Grecco, Schuster 2020].

35 Интерпретацию того, что поменялось, а что нет, в одном регионе мира, см. в: [Cooper 2019].

36 Об относительности суверенитета см.: [Agnew 2017].

идей и инициатив, направленных на реорганизацию мировой политической географии, реализовывавшихся в послевоенный период параллельно с развитием национальных движений: панафриканизм, Афро-азиатская конференция, движение неприсоединения, сотрудничество между афро-азиатскими странами и Латинской Америкой (которое иногда называют трехконтинентальным) и «Группа-77». Широко использовались такие понятия, как «третий мир» и «Глобальный Юг». Какими бы проблематичными ни были стоящие за ними представления о мировом политическом устройстве, использование подобных терминов подсказывает, насколько важно для политических активистов было не останавливаться на условном триумфе национального суверенитета, а рассматривать более инклюзивные возможности. Еще могут появиться новые способы мыслить политическое пространство.

Изучение с точки зрения деколонизации появлявшихся и исчезавших возможностей, которые привели к возникновению современного мира, состоящего из почти двухсот государств (большинство из которых обрело суверенитет после 1945 года), одновременно проясняет и затемняет ключевые исторические и политические вопросы. Используя понятие «деколонизация» для описания всей совокупности изменений, произошедших в странах, которые когда-то были колонизированы, мы преувеличиваем влияние колониализма — оно предстает в этом случае тотальным. Тем самым мы упускаем из виду значимость социальной и экономической справедливости, а не только суверенитета, для политических движений в колониях. В итоге появляются неудобные вопросы: возможно, помещение столь больших отрезков истории под рубрику деколонизации только усиливает нарратив о нормальности национальных государств — нарратив, который, с одной стороны, европоцентричен, а с другой — представляет собой обратную проекцию взгляда на мир, сложившегося к концу XX века [Chatterjee 1993]. Может быть, стоило бы вместо этого исследовать политическое воображение разных народов в разных частях света в разные периоды? Возможно, описание проблем, с которыми сталкивается правительство недавно получившего независимость государства, в категориях «деколонизации экономики» сосредоточивает наше внимание на определенных формах проявления власти, в то же время вуалируя другие? Дает ли нам такой угол зрения адекватные инструменты для анализа борьбы с глобальным капитализмом или с эксплуататорскими действиями локальных и национальных элит?

Суверенитет может нести с собой чувство свободы, но он также может стать ширмой, за которой несправедливые правители укрываются от критики извне, объявляя ее неокOLONIALным вмешательством. Предположение, что за «деколонизацией флагов» должна последовать подлинная деколонизация, исходящая из идеи линейного развития, маскирующей борьбу, исход которой может определять, приведет ли обретение суверенитета к освобождению в более широком смысле.

Исследователи уже значительно продвинулись в объяснении того, как колониальный режим повлиял на жизнь людей и породил долгосрочные последствия для экономики, общества, политики и культуры в европейских, африканских и латиноамериканских государствах. Угнетение и эксплуатация задействуют широкий спектр механизмов, которые нам необходимо понять во всей их специфичности, в настоящем и в прошлом, на «Севере» и на «Юге». Мы слишком легко можем сбросить со счетов современные структуры неравенства — не говоря уже об игнорировании двух веков латиноамериканской

и шестидесяти лет африканской истории, — если будем списывать все сложности, с которыми сталкиваются люди в Латинской Америке, Африке и Азии, на наследие колониального прошлого³⁷. С другой стороны, использовать понятие «колониальный» метафорически для описания любой формы крайней несправедливости и унижения означает не только избегать анализа этих форм на их собственных основаниях, но и размывать специфику колонизации и деколонизации как таковых [Tuck, Yang 2012]. Из приведенного выше панорамного обзора деколонизаций и колонизаций видно, что требование «независимости» имеет различные значения и подразумевает (а порой скрывает) разные цели.

Итак, с одной стороны, существуют убедительные доводы в пользу широкого понимания деколонизации, которое позволяет нам изучить многочисленные аспекты, в которых образ мыслей, институции и отношения изменились или остались неизменными.

С другой стороны, существуют убедительные доводы и в пользу более узкого и конкретного определения деколонизации, которое дает нам возможность более тонкого анализа власти в нашем полном неравенства мире.

Пер. с англ. Ксении Гусаровой

Библиография / References

- [Adelman 2006] — *Adelman J.* Sovereignty and Revolution in the Iberian Atlantic. Princeton: Princeton University Press, 2006.
- [Adelman 2008] — *Adelman J.* An Age of Imperial Revolutions // *American Historical Review*. 2008. Vol. 113. No. 2. P. 319—340.
- [Agnew 2017] — *Agnew J.* Globalization and Sovereignty: Beyond the Territorial Trap. Latham MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2017.
- [Allman 1993] — *Allman J.M.* The Quills of the Porcupine: Asante Nationalism in an Emergent Ghana. Madison: University of Wisconsin Press, 1993.
- [Anderson 1983] — *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.
- [Armitage, Subrahmanyam 2010] — *Armitage D., Subrahmanyam S.* The Age of Revolution in Global Context, c. 1760—1840. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- [Bamba 2016] — *Bamba A.* African Miracle, African Mirage: Transnational Politics and the Paradox of Modernization in Ivory Coast. Athens: Ohio University Press, 2016.
- [Bandeira Jerónimo, Costa Pinto 2015] — *The Ends of European Colonial Empires: Cases and Comparisons* / Ed. by M. Bandeira Jerónimo, A. Costa Pinto. London: Palgrave Macmillan, 2015.
- [Beard 2016] — *Beard M.* SPQR: A History of Ancient Rome. London: Liveright, 2016.
- [Berger 2004] — *Berger M.* After the Third World? History, Destiny and the Fate of Third Worldism // *Third World Quarterly*. 2004. Vol. 25. P. 9—39.
- [Berger 2015] — *Berger S.* Building the Nation among Visions of German Empire // *Nationalizing Empires* / Ed. by S. Berger and A. Miller. Budapest: Central European University Press, 2015. P. 247—308.

37 Жан-Фредерик Шоб настаивает, что объяснение того, как империи Иберийского полуострова сформировали историю данного региона, не должно предоставлять нынешним господствующим социальным классам «комфортного алиби» [Schaub 2015: 64]. Сходным образом Марк Турнер утверждает, что, хотя над историографией нацистроительства в Перу «витают призраки» колониализма, элиты постколониального режима несут значительную часть ответственности за нарушение прав коренного населения на землю и воспроизводство неравенства [Thurner 1997: 3].

- [Berger 2016] — *Berger I.* Women in Twentieth-Century Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- [Bitsch, Boussuat 2005] — L'Europe Unie et l'Afrique: de l'idée d'Eurafrique à la Convention de Lomé I / Dir. M.-Th. Bitsch, G. Boussuat. Brussels: Bruylant, 2005.
- [Bogaerts, Raben 2012] — Beyond Empire and Nation: The Decolonization of African and Asian Societies, 1930s—1960s / Ed. by E. Bogaerts, R. Raben. Leiden: KITLV Press, 2012.
- [Bonn 1938] — *Bonn M.J.* The Crumbling of Empire: The Disintegration of World Economy. London: George Allen and Unwin, 1938.
- [Brennan 2008] — *Brennan J.* Lowering the Sultan's Flag: Sovereignty and Decolonization in Coastal Kenya // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. P. 831—861.
- [Brown 2022] — *Brown M.* The Seventh Member State: Algeria, France, and the European Community. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022.
- [Burbank, Cooper 2010] — *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010.
- [Burbank, Cooper 2019] — *Burbank J., Cooper F.* Empires after 1919: Old, New, Transformed // *International Affairs*. 2019. Vol. 95. P. 81—100.
- [Byrne 2016] — *Byrne J.J.* Mecca of Revolution: Algeria, Decolonization and the Third World Order. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- [Capman 1846] — Œuvres de Henri Fonfrède recueillies et mises en ordre / Dir. Ch.-L.-A. Capman: En 10 t. T. 8. Bordeaux: Chaumas-Gayet, 1846.
- [Carroll 2019] — *Carroll Ch.* Imperial Ideologies in the Second Empire: The Mexican Expedition and the Royaume Arabe // *French Historical Studies*. 2019. Vol. 42. P. 67—100.
- [Cavanaugh, Veracini 2016] — *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism* / Ed. by E. Cavanaugh, L. Veracini. London: Routledge, 2016.
- [Chakrabarty 2000] — *Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- [Charlip 2015] — *Charlip J.A.* Latin America in World History // *The Cambridge World History* / Ed. by J.R. McNeill, K. Pomeranz. Cambridge University Press, 2015. P. 529—535.
- [Chatterjee 1993] — *Chatterjee P.* Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.
- [Connelly 2002] — *Connelly M.* A Diplomatic Revolution: Algeria's Fight for Independence and the Origins of the Post-Cold War Era. New York: Oxford University Press, 2002.
- [Conrad 2010] — *Conrad S.* Globalisation and the Nation in Imperial Germany / Transl. by S. O'Hagan. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- [Cooper 1996] — *Cooper F.* Decolonization and African Society: The Labor Question in French and British Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- [Cooper 2014] — *Cooper F.* Citizenship from Empire to Nation: Remaking France and French Africa 1945—1960. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- [Cooper 2019] — *Cooper F.* Africa since 1940: The Past of the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- [Dalberto 2020] — *Dalberto S.A.* Hidden Debates over the Status of the Casamance During the Decolonization Process in Senegal: Regionalism, Territorialism, and Federalism at a Crossroads, 1946—62 // *Journal of African History*. 2020. Vol. 61. P. 67—88.
- [Daughton 2008] — *Daughton J.P.* When Argentina Was "French": Rethinking Cultural Politics and European Imperialism in Belle-Époque Buenos Aires // *Journal of Modern History*. 2008. Vol. 80. No. 4. P. 831—864.
- [Davis 2015] — *Davis M.H.* Producing Eurafrica: Development, Agriculture and Race in Algeria, 1958—1965: PhD Thesis. New York, 2015.
- [De Lima Grecco, Schuster 2020] — *De Lima Grecco G., Schuster S.* Decolonizing Global History? A Latin American Perspective // *Journal of World History*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 425—446.
- [Elkins, Pedersen 2005] — *Settler Colonialism in the Twentieth Century* / Ed. by C. Elkins, S. Pedersen. London: Routledge, 2005.
- [Feros 2017] — *Feros A.* Speaking of Spain: The Evolution of Race and Nation in the Hispanic World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.
- [Fields 2017] — *Fields G.* Enclosure: Palestinian Landscapes in a Historical Mirror. Berkeley: University of California Press, 2017.
- [Finley 1976] — *Finley M.I.* Colonies: An Attempt at a Typology // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1976. Vol. 26. P. 167—188.
- [Fitzpatrick 2008] — *Fitzpatrick M.* Liberal Imperialism in Germany: Expansionism and Nationalism, 1848—1884. New York; Oxford: Bergahn Books, 2008.
- [Fradera 2018] — *Fradera J.M.* The Imperial Nation: Citizens and Subjects in the British, French, Spanish, and American Empires / Transl. by R. MacKay. Princeton: Princeton University Press, 2018.
- [Frymer 2017] — *Frymer P.* Building American Empire: The Era of Territorial and Political Expansion. Princeton: Princeton University Press, 2017.

- [Fullagar, McDonnell 2018] — *Facing Empire: Indigenous Experiences in a Revolutionary Age / Ed. by K. Fullagar, M.A. McDonnell.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018.
- [García 2016] — *García A.R. Federalism in Latin America // The Encyclopedia of Postcolonial Studies / Ed. by S. Ray, H. Schwarz.* Malden, MA: Wiley Blackwell, 2016. P. 1—9.
- [Getachew 2019] — *Getachew A. Worldmaking after Empire: The Rise and Fall of Self-Determination.* Princeton: Princeton University Press, 2019.
- [Goswami 2002] — *Goswami M. Rethinking the Modular Nation Form: Toward a Sociohistorical Conception of Nationalism // Comparative Studies in Society and History.* 2002. Vol. 44. No. 4. P. 770—799.
- [Helg 2004] — *Helg A. Liberty and Equality in Caribbean Colombia, 1770—1835.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2004.
- [Hopkins 2018] — *Hopkins A.G. American Empire: A Global History.* Princeton: Princeton University Press, 2018.
- [Itagaki et al. 2012] — *Itagaki R., Mizutani S., Tobe H. Japanese Empire // The Ashgate Research Companion to Modern Imperial Histories / Ed. by Ph. Levine, J. Marriot.* Farnham, UK: Ashgate, 2012. P. 273—299.
- [Jansen, Osterhammel 2017] — *Jansen J., Osterhammel J. Decolonization: A Short History / Transl. by J. Riemer.* Princeton: Princeton University Press, 2017.
- [Jennings 2015] — *Jennings E. Free French Africa in World War II: The African Resistance.* Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- [Kelly, Kaplan 2004] — *Kelly J., Kaplan M. "My Ambition is Much Higher than Independence": US Power, the UN World, the Nation-State, and Their Critics // Decolonization: Perspectives from Then and Now / Ed. by P. Duara.* London: Routledge, 2004. P. 131—151.
- [Kennedy 2016] — *Kennedy D. Decolonization: A Very Short Introduction.* New York: Oxford University Press, 2016.
- [Khalidi 2020] — *Khalidi R. The Hundred Years' War on Palestine: A History of Settler Colonialism and Resistance, 1917—2017.* New York: Henry Holt, 2020.
- [Knight 1999] — *Knight A. Britain and Latin America // The Oxford History of the British Empire: The Nineteenth Century / Ed. by A. Porter.* Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 122—145.
- [Lorenzini 2019] — *Lorenzini S. Global Development: A Cold War History.* Princeton: Princeton University Press, 2019.
- [Louro et al. 2020] — *The League against Imperialism: Lives and Afterlives / Ed. by M. Louro, C. Stolte, H. Streets-Salter, S. Tannoury-Karam.* Leiden: Leiden University Press, 2020.
- [Maier 2007] — *Maier Ch. Among Empires.* Cambridge MA: Harvard University Press, 2007.
- [Manela 2007] — *Manela E. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism.* Oxford: Oxford University Press, 2007.
- [Manz 2014] — *Manz S. Constructing the German Diaspora: The "Greater German Empire," 1871—1914.* London: Routledge, 2014.
- [Mazower 2008] — *Mazower M. Hitler's Empire: Nazi Rule in Occupied Europe.* London: Allen Lane, 2008.
- [McDonnell 2016] — *McDonnell M.A. Rethinking the Age of Revolution // Atlantic Studies.* 2016. Vol. 13. P. 301—314.
- [McGraw 2014] — *McGraw J. The Work of Recognition: Caribbean Colombia and the Postemancipation Struggle for Citizenship.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014.
- [Migani 2008] — *Migani G. La France et l'Afrique sub-saharienne, 1957—1963: Histoire d'une décolonisation entre idéaux eurafricains et politique de puissance.* Brussels: PIE Peter Lang, 2008.
- [Mignolo, Walsh 2018] — *Mignolo W., Walsh C. On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis.* Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- [Miki 2018] — *Miki Y. Frontiers of Citizenship: A Black and Indigenous History of Postcolonial Brazil.* Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- [Mir 2015] — *Mir F. Introduction: AHR Roundtable: The Archives of Decolonization // American Historical Review.* 2015. Vol. 120. P. 844—851.
- [Mirow 2015] — *Mirow M.C. Latin American Constitutions: The Constitution of Cádiz and Its Legacy in Spanish America.* Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- [Montarsolo 2010] — *Montarsolo Y. L'Eurafrique contrepoint de l'idée de l'Europe: Le cas français de la fin de la deuxième guerre mondiale aux négociations des Traités de Rome.* Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2010.
- [Moyn 2015] — *Moyn S. Fantasies of Federalism // Dissent.* 2015. Vol. 62. P. 145—151.
- [Mulich 2017] — *Mulich J. Empire and Violence: Continuity in the Age of Revolution // Political Power and Social Theory.* 2017. Vol. 32. P. 181—204.
- [Nkrumah 1966] — *Nkrumah K. Neocolonialism: The Last Stage of Imperialism.* New York: International Publishers, 1966.
- [Penny 2003] — *Penny H.G. The Politics of Anthropology in the Age of Empire: German Colonists, Brazilian Indians, and the Case of Albert Vojtěch Frič // Comparative Studies in Society and History.* 2003. Vol. 45. P. 249—280.

- [Robinson, Gallagher 1953] — *Robinson R., Gallagher J.* The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review*. 1953. Vol. 6. P. 1—15.
- [Sabato 2018] — *Sabato H.* Republics of the New World: The Revolutionary Political Experiment in 19th-century Latin America. Princeton: Princeton University Press, 2018.
- [Sanders 2004] — *Sanders J.* Contentious Republicans: Popular Politics, Race, and Class in Nineteenth-Century Colombia. Durham: Duke University Press, 2004.
- [Sanders 2019] — *Sanders J.* Decolonizing Europe // *The First Wave of Decolonization* / Ed. by M. Thurner. London: Routledge, 2019. P. 95—117.
- [Schaub 2015] — *Schaub J.F.* The Imperial Question in the History of Ibero-America: The Importance of the Long View // *Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies* / Ed. by K. Nicolaïdis, B. Sèbe, G. Maas. London: I.B. Tauris, 2015. P. 61—78.
- [Sessions 2011] — *Sessions J.* By Sword and Plow: France and the Conquest of Algeria. Ithaca: Cornell University Press, 2011.
- [Shepherd 2006] — *Shepherd T.* The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- [Terretta 2014] — *Terretta M.* Nation of Outlaws, State of Violence: Nationalism, Grassfields Tradition, and State Building in Cameroon. Athens: Ohio University Press, 2014.
- [Ther 2004] — *Ther Ph.* Imperial Instead of National History: Positioning Modern German History on the Map of European Empires // *Imperial Rule* / Ed. by A. Miller and A. Rieber. Budapest: Central European University Press, 2004. P. 47—66.
- [Ther 2014] — *Ther Ph.* The Dark Side of Nation-States: Ethnic Cleansing in Modern Europe. London: Berghahn Books, 2014.
- [Thiong'o 1986] — *Thiong'o N.* Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature. Portsmouth, NH: Heinemann, 1986.
- [Thomas, Thompson 2018] — *The Oxford Handbook of the Ends of Empire* / Ed. by M. Thomas, A. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- [Thurner 1997] — *Thurner M.* From Two Republics to One Divided: Contradictions of Postcolonial Nationmaking in Andean Peru. Durham, NC: Duke University Press, 1997.
- [Thurner 2019] — *The First Wave of Decolonization* / Ed. by M. Thurner. London: Routledge, 2019.
- [Todd 2021] — *Todd D.* A Velvet Empire: French Informal Imperialism in the Nineteenth Century. Princeton: Princeton University Press, 2021.
- [Tuck, Yang 2012] — *Tuck E., Yang K.W.* Decolonization Is Not a Metaphor // *Decolonization: Indigeneity, Education and Society*. 2012. Vol. 1. No. 1. P. 1—40.
- [Unger 2018] — *Unger C.* International Development: A Postwar History. London: Bloomsbury, 2018.
- [Vaughan 2019] — *Vaughan Ch.* The Politics of Regionalism and Federation in East Africa, 1958—1964 // *The Historical Journal*. 2019. Vol. 62. P. 519—540.
- [Veracini 2010] — *Veracini L.* Settler Colonialism: A Theoretical Overview. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- [Wagner 2016] — *Wagner F.* Colonial Internationalism. How Cooperation Among Experts Reshaped Colonialism (1830s—1950s): PhD Thesis. European University Institute, 2016.
- [Wagner 2022] — *Wagner F.* Colonial Internationalism and the Governmentality of Empire, 1893—1982. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
- [Weitz 2019] — *Weitz E.* A World Divided: The Global Struggle for Human Rights in the Age of Nation-States. Princeton: Princeton University Press, 2019.
- [Westad 2011] — *Westad O.A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- [White 1991] — *White R.* "It's Your Misfortune and None of My Own": A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
- [White 2015] — *White L.* Unpopular Sovereignty: Rhodesian Independence and African Decolonization. Chicago: University of Chicago Press, 2015.
- [Yellen 2019] — *Yellen J.* The Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: When Total Empire Met Total War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019.
- [Young 2018] — *Young L.* Rethinking Empire: Lessons from Imperial and Post-Imperial Japan // *The Oxford Handbook of the Ends of Empire* / Ed. by M. Thomas, A. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 212—230.